

Структуры мирового порядка: историческая ТИПОЛОГИЯ

Виктор Сергеев, Андрей Казанцев

Типология структур мирового порядка в современной теории международных отношений остается практически неизученной. Существуют лишь отдельные подходы к проблеме в рамках геополитики и мирсистемных теорий [см., например: Ratzel 1897; Mahan 1890, 1892; de la Blache 1921; Маккиндер 1995; Mackinder 1919, 1943; Трубецкой 1925: 351–377; Савицкий 1922; Хаусхофер 2001; Schmitt 1942, 1950; Spykman 1942, 1944; Wallerstein 1974, 1979, 1980, 1983, 1984, 1989; Валлерстайн 2001; Бродель 1986, 1986–1992, 1994–1997]. Между тем с развитием глобализации анализ типов мирового порядка приобретает особую актуальность. Эта проблема становится ключевой в дискуссиях об эффективности глобального управления, преимуществах и недостатках различных моделей мироустройства, перспективах установления «мирового правительства» и т.д.

В настоящей статье мы рассмотрим типы структур мирового порядка, ситуации, в которых они возникают, закономерности и тенденции их развития, а также попытаемся наметить контуры соответствующей субдис-

циплины в рамках дисциплины, изучающей глобальные проблемы (global studies).

Структуры мирового порядка как относительно замкнутые системы коммуникаций

Мы предлагаем рассматривать структуры мирового порядка как *регулярные коммуникационные взаимодействия различных политий или политических систем* [см. о коммуникационной модели социума: Habermas 1971; Хабермас 2000, 2001, 2005]. Политическая система не обязательно синонимична государству. Ее функции могут выполнять и другие объединения — родоплеменные структуры, полисы, разбойничьи и пиратские братства, религиозные объединения, купеческие корпорации, добровольные ассоциации и т.д. Политии могут быть полностью самостоятельными либо относительно автономными частями более крупных политических систем. При этом они должны иметь возможность (не обязательно юридически оформленную) более или менее автономно

коммуницировать с другими политическими системами.

Для структур мирового порядка характерно противоречие между господством и коммуникацией, отмеченное еще Аристотелем [Аристотель 1984]. Это противоречие сохраняется на протяжении всей жизни такой структуры. Господство и коммуникация противоречат друг другу и одновременно идут рука об руку, создавая и поддерживая структуры мирового порядка. Если же высшая власть, гарантирующая порядок, отсутствует, отношения политических структур осуществляются в условиях анархии, в обстановке, которую Т. Гоббс характеризовал как «войну всех против всех» [Гоббс 2001]. В этом случае коммуникация может служить средством установления господства одной политики над другой. Таким образом, каждую из структур мирового порядка можно описать как уникальное соотношение двух указанных выше факторов.

Международные субъекты могут создавать иерархические структуры, подобные поведенческим иерархиям у социальных животных [Лоренц 1994] и точно так же представляющие собой механизмы уравновешивания агрессии насилием. Типичный пример — различные балансы сил или конструкции мировых империй, силой устанавливающие «имперский мир» на грандиозных пространствах Ойкумены. Если же политические системы придерживаются в основном тактики переговоров и отказываются от насилия в отношениях друг с другом, то создаваемые ими международные формальные и неформальные институты гарантируют сохранение устойчивых образцов общения между политиями, поддержание мира и переход к сотрудничеству.

Тактика насилия и тактика переговоров легко сменяют друг друга. Конфликты вокруг интерпретации международных ин-

ститутов порождают насилие в отношениях между политиями. В то же время на основе устойчивых балансов сил возникают долговременные переговорные механизмы.

Появлению структур мирового порядка предшествуют достаточно регулярные коммуникационные взаимодействия между составляющими их политиями. Структуры мирового порядка возникают в относительно замкнутых системах коммуникаций, которые Ф. Бродель описывал как *миры-экономики* и *миры-империи* [Бродель 1992].

Эти «миры» появляются в результате структурирования коммуникаций естественными или искусственными границами (океаны, горные хребты, джунгли или непроходимые пустыни). На определенных этапах исторического развития эти границы создают серьезные препятствия для трансграничных контактов. Технический прогресс делает «естественные» границы искусственными. В них превращаются разрывы между общностями, связанными едиными культурно-цивилизационными или политико-идеологическими коммуникационными кодами (например, *Respublica Chrisitana*, позднее — западный мир, и мир ислама, «свободный мир» и «коммунистическая система»). По мере развертывания процессов глобализации границы, мешающие устойчивым коммуникациям, стираются. Глобальный социум трансформируется в единую систему коммуникаций, а значит — и в единую структуру мирового порядка. Поскольку внутри этой системы коммуникации еще недостаточно упорядочены, велика и степень хаоса внутри глобальной коммуникационной системы.

Сформулируем одну из важных эмпирических закономерностей, которая прослеживается на протяжении практически всей мировой истории: *по мере исторического развития происходит не-*

уклонное укрепление структур мирового порядка вплоть до образования глобальной системы. Усложнение структур мирового порядка наблюдается, прежде всего, на длительных исторических отрезках. Достаточно часто оно происходит по принципу «матрешки»: старые структуры встраиваются в новые, становясь их подсистемами. В более короткие периоды возможно дробление структур мирового порядка, за которым следует новый период роста.

С увеличением численности населения, освоением новых территорий, совершенствованием политико-организационных и военных навыков развиваются и политические системы. Они сливаются мирным путем или насильственно поглощают друг друга. Благодаря транспорту, торговле, коммуникациям контакты между удаленными друг от друга политиями становятся регулярными и постепенно структурируются.

Таким образом, в основе указанной выше закономерности лежит историческое развитие средств коммуникаций.

В качестве примера рассмотрим *развитие структуры мирового порядка вокруг Египта в районе Средиземного моря в IV тысячелетии до н.э. — I тысячелетии н.э.*

В первой половине IV тысячелетия до н.э. на берегах Нила вокруг ирригационных систем складываются политические, хозяйственные и культовые центры — номы. Между соседними номами устанавливаются устойчивые контакты, благодаря которым образуются автономные структуры мирового порядка. Ни одна из них пока еще не охватывает весь исторический Египет.

Во второй половине IV тысячелетия до н.э. номы объединяются в Верхнеегипетское и Нижнеегипетское царства. Объединение этих протогосударств в единую централизованную империю относится к 3050–2715 гг.

до н.э. (время правления I и II династий или Ранний период).

Наивысшего расцвета объединенный Египет достигает в период Нового царства (1580–1085 гг. до н.э., XVIII–XX династии). Границы страны на севере простираются до северной Сирии и Евфрата, на юге — до четвертого порога Нила. Египет становится частью системы великих держав на Ближнем Востоке, вступая в дипломатические отношения с Вавилонией, сирийскими и палестинскими царствами, Миттани, Хеттской империей (к этому времени относится дипломатический архив, найденный в Ахетатоне, городе, построенном фараоном-реформатором Эхнатоном). Культурные связи и экономическая интеграция Египта с Ближним Востоком в период Нового царства сдерживались сильной централизованной властью и слабым (по сравнению с Месопотамией, Финикией, Сирией и Палестиной) развитием товарно-денежных отношений.

В начале IV в. до н.э. новым центром мировой интеграции становится Македония. В 332 г. до н.э. Александр Македонский завоевал Египет, который после его смерти превращается в самостоятельное царство под властью династии Птолемеев и одновременно — в органическую часть эллинистического мира. Александрия — новая столица Египта — представляет собой центр торговли, культуры и образования. Между эллинистическими царствами (Египтом, Сирией, Македонией, Пергамом и др.), а также независимыми или автономными полисами складывается развитая система дипломатических и политических отношений.

Рим становится мировой державой после победы над Карфагеном во II в. до н.э. При Октавиане Августе Египет — как часть Римской империи — включается в коммуникационную систему, охватывающую все Средиземноморье. По мере распростра-

нения христианства он становится также частью христианского мира и важнейшей провинцией Восточно-римской империи.

Так происходит процесс иерархического надстраивания структур мирового порядка, в который постепенно вовлекается вся Средиземноморская Ойкумена.

Типы ситуаций, в которых возникают структуры мирового порядка

Разработанная Ф. Броделем типология *миров-экономик* и *миров-империй* указывает на два основных способа укрупнения структур мирового порядка.

В случае *миров-экономик* речь идет о независимых или автономных политических системах, между которыми устанавливаются устойчивые и регулярные коммуникации (торгово-кредитный обмен, дипломатические, политические, культурные контакты, военные договоры, межличностные сетевые связи). В рамках таких «миров» неизбежно возникают устойчивые структуры мирового порядка. Технический, экономический и социальный прогресс ведет к географическому расширению контактов, что и означает рост соответствующих «миров» как структур мирового порядка.

Но не всякую относительно замкнутую совокупность политий, так или иначе коммуницирующих между собой, можно считать структурой мирового порядка. Главный признак подобных структур — наличие *устойчивых и регулярных, то есть упорядоченных коммуникаций*. Если коммуникации еще не сложились в стабильную систему, то и о структуре мирового порядка говорить не приходится.

Неупорядоченные контакты между политиями наблюдаются, как правило, в ситуациях нашествия или переселения,

когда одни народы встречаются с другими, причем до этой встречи они практически ничего не знали друг о друге. В истории человечества такие ситуации — скорее исключение, чем правило. Начиная с эпохи модерна, коммуникации все плотнее охватывают планету, и вероятность встречи международных акторов, не имевших ранее никаких контактов друг с другом, становится минимальной.

Однако по-прежнему возможны ситуации, когда уже устоявшаяся система институтов в структуре мирового порядка начинает разрушаться в связи с появлением новых типов акторов, которые ее не поддерживают. Характерный пример — тоталитарные государства XX в., стремившиеся к мировому идеологически мотивированному господству или к глобальному распространению своей идеологии. Значительная часть конфликтов прошедшего столетия была вызвана именно этими причинами. Причем эти конфликты приводили либо к практически полному разрушению структуры мирового порядка (Вторая мировая война), либо к ситуациям, чреватым таким разрушением (кризисы периода «холодной войны»). В настоящее время серьезное реструктурирование мирового порядка связано, в том числе, с возникновением глобальных террористических сетей как принципиально нового типа международных акторов.

Кризис сложившейся системы может быть вызван появлением не только новых типов акторов, но и новых институтов, например, протестантизма в начале европейского Нового времени. Конфликт католической и протестантской коалиций покончил с религиозно-идеологическим единством «христианского мира» и почти на два столетия (XV–XVI вв.) стал основным стержнем европейской политики.

История знает много примеров временного исчезновения сложившейся структуры мирового порядка, например, вследствие войны и вызванной ею полной деградации формальных и неформальных институтов. От подобных кризисных ситуаций, за которыми следует радикальная структурная перестройка мирового порядка, человечество не застраховано и в будущем.

Итак, область исторических ситуаций, в которых возможно существование структур мирового порядка, задается порогом, отделяющим устойчивые и регулярные, то есть упорядоченные коммуникации между политиями от коммуникаций беспорядочных, неустойчивых и нерегулярных.

Типология структур мирового порядка

Типологию структур мирового порядка вполне можно представить как движение от баланса сил между независимыми политиями к гегемонии. В этом случае постепенное развитие структур мирового порядка означает снижение конфликтности и усиление координации действий отдельных политических систем, вплоть до возникновения такой системы, которая включала бы в качестве подсистем все политии данного мирового порядка.

Мировой порядок развивается под воздействием создавших его гетерогенных

Таблица 1. Типология структур мирового порядка

№ п/п	Наличие или отсутствие институтов мирового порядка	Тип ситуации или структуры мирового порядка
1.	Нет	«Война всех против всех»
2.	Есть	«Баланс сил», или стабильная система конфликтов, одновременно поддерживаемых силой и сдерживаемых зачаточными регулярными коммуникационными практиками
3.	Есть	«Концерт держав», или баланс сил со стабильными переговорными институтами, позволяющими предотвращать конфликты и согласовывать интересы
4.	Есть	«Всеобщий союз» между политиями внутри структуры одного мирового порядка, или ситуация осознанной взаимозависимости
5.	Есть	«Либеральная гегемония», или структура мирового порядка в отношениях между автономными политиями внутри одной политической системы
6.	Есть	«Централизованная гегемония» — ситуация, когда структуры мирового порядка теряют международный статус и разворачиваются внутри одной политической системы

сил: *конфликта или насилия*, направленного на установление господства, и *коммуникации или переговоров*, нацеленных на стабильный мир. Эти две силы постоянно конкурируют, образуя различные комбинации (см. табл. 1).

Субъектами насилия могут выступать одна доминирующая сила, нескольких уравновешивающих друг друга сил, а также более многочисленные силы, координирующие свои действия и подавляющие любые попытки подорвать стабильность.

Коммуникация может осуществляться: 1) путем негласного торга или открытого мирного соглашения между уравновешивающими друг друга силами; 2) на основе стабильной системы институтов и поддерживающих их режимов международных санкций; 3) благодаря постоянным согласованиям позиций между гегемоном и автономными частями структуры мирового порядка.

Эту относительно простую типологию, состоящую из идеальных типов по веберовскому образцу, осложняют три фактора.

1. Структуры мирового порядка часто достаточно сложно «входят» друг в друга и «нанизываются» друг на друга, образуя «горизонтальную» иерархию систем и подсистем. При этом типы порядков в системах разного уровня могут и не совпадать. Например, Индия в XIX в. была сложной и довольно целостной структурой мирового порядка, подпадающего под тип «либеральной гегемонии». Эта структура являлась составной частью Британской империи — также «либеральной гегемонии». Последняя же была подсистемой западного миропорядка, характер которого колебался между несколькими из указанных выше типов.

2. Внутри одной и той же структуры мирового порядка могут органически сочетаться, по сути, противоречащие друг другу системы организации. Например,

средневековая Западная Европа сочетала в себе принципы универсализма *Respublica Christiana*, гарантированные институтом папства и империи, и партикуляризм, выраженный системами феодализма и территориальных государств. Внутри этих пар, воплощавших принципы универсализма и партикуляризма, также наблюдались серьезные конфликты — между папством и Священной Римской империей, между централизованными государствами и феодалами.

3. Один и тот же относительно замкнутый географически, политически и культурно-цивилизационно «мир» (например, западный мир с начала нашей эры до конца XIX в.) может пережить достаточно много смен разных типов структур. Например, варварские королевства во времена «великого переселения народов» и в «темные века» находились в состоянии «войны всех против всех». Римская империя в разные исторические периоды колебалась между «централизованной» и «либеральной» гегемонией.

В остальные периоды своей истории Запад колебался между ситуациями «баланса сил», «концерта держав» и «всеобщего союза», которые довольно быстро менялись.

«Всеобщий союз» относится к периоду формирования всеевропейских коалиций против «внутренних» или «внешних» врагов. Примеры подобных ситуаций — крестовые походы в Восточное Средиземноморье, коалиционные войны против турок-османов, Крымская война, борьба «Священного союза» с революционными силами.

«Концерт держав» не был краткосрочным феноменом европейской истории XIX в. Монархии и республики Западной Европы и раньше довольно легко находили общий язык, во многом благодаря тому, что с крещения варварских королевств вплоть до Реформации Запад представлял собой

одну сложную суперполитическую систему, Respublica Christiana. Она была тесно спаяна экономическим, религиозным и культурным единством, пронизана сетями династических браков и политических союзов.

Реформация, религиозные войны между политиями и гражданские войны внутри государств частично разорвали единство этого мира. Однако конфликты между протестантами и католиками достаточно быстро структурировались в виде «баланса сил», воплощавшегося в форме сложных коалиций. Коалиции и составлявшие их политики стремились не допустить серьезного усиления отдельных государств, дабы общее соотношение сил оставалось неизменным.

Можно предположить, что для разных «миров», создаваемых по признаку географической замкнутости, политико-экономической и культурно-цивилизационной общности, характерны разные сочетания типов структур мирового порядка. Например, Запад и исламский мир пережили практически все типы таких структур. Россия (Московия, Российская империя, СССР) и Китай (традиционная Серединная империя и КНР) создавали вследствие распада централизованных империй локальные мировые порядки как международные системы. Последние отличались нестабильностью и постоянными «войнами всех против всех». Периоды распада продолжались относительно недолго и сменялись периодами «централизованных гегемоний». Для исторической Индии, напротив, характерны крайне непродолжительные периоды политического единства и весьма причудливая картина чередования типов структур мирового порядка.

Описанная выше типология структур мирового порядка позволяет оценить некоторые парадигмы теории международных

отношений. Каждая из них ориентируется на определенные типы структур мирового порядка или международных ситуаций, считая их базовыми. В частности, традиционный «реализм», для которого международные отношения, по определению, — сфера анархии, хаоса и насилия [Morgenthau 1948], работает с ситуациями «войны всех против всех» или «централизованной гегемонии». «Неореализм» теоретически воссоздает ситуацию «баланса сил» [Gilpin 1981; Kindleberger 1986; Waltz 1979]. Традиционный «либерализм» («идеализм») и «неолиберализм» интересуются, главным образом, ситуациями «всеобщего союза» или «концерта держав» [Keohane, Nye 1977; Nye, Joseph 2002; Rosenau 1990].

Существует ли долговременная тенденция к эволюционному развитию структур мирового порядка?

Можно ли — хотя бы на основе анализа больших временных отрезков — вычленить устойчивые закономерности, связанные с развитием и сменой типов структур мирового порядка? Типология этих структур, представленная в *таблице 1*, построена линейно: от низшей степени единства к высшей, от большей степени конфликтности к меньшей. Отсюда — искушение трактовать данную типологию в гегелевском духе, то есть *как линейно-эволюционную, как последовательность фаз*.

В этом случае мы имели бы долговременную тенденцию к утверждению суперполитических систем с усиливающейся централизацией и постепенную самоликвидацию системы международных отношений. Развитие средств коммуникации и переговорных практик привело бы сначала к созданию единой политической системы,

состоящей из автономных элементов, а затем, с исчезновением этих автономий, — к единой земной политике. Все конфликты со временем были бы разрешены посредством сложных коммуникативных контактов, не исключающих и насилие. Противоположности опосредовались бы в некоем глобальном синтезе, на основе которого можно было бы предсказать безоблачное будущее, обеспеченное единством человечества. Как известно, идеал всеобщего единства вдохновлял человечество на протяжении тысячелетий: достаточно вспомнить библейское Царство агнца, универсальную монархию Данте, «всеобщий мир» И. Канта и т.д.

В социальных науках в целом и в теории международных отношений в частности существуют серьезные аргументы в пользу такой точки зрения. Возьмем, например, теорию эволюции кооперации Р. Аксельрода [Axelrod 1984], которая представляет собой универсальную математическую модель, описывающую развитие взаимодействия в коммуникационной системе. Регулярность и повторяемость контактов ведут к осознанию выгод от кооперации, которые заключаются в постепенном исчезновении конфликтов и в выработке культуры сотрудничества. Склонность автоматически перенести эту модель на структуры мирового порядка очень велика. В этом случае развитие систем коммуникации, регулярных контактов между политическими и накопление исторического опыта заставили бы политику осознать пользу от прекращения конфликтов и перевода всех взаимодействий в русло сотрудничества. Очевидные выгоды от международного сотрудничества — развитие торгового, научно-технологического, культурного обмена, трансграничного кредита, усиление специализации экономик и повышение производительности труда, свободное перемещение населения, интенсификация меж-

личностных контактов, прекращение войн и снижение военных расходов, успешное разрешение глобальных проблем (от социальных до экологических) — подкрепили бы эту тенденцию и сделали ее необратимой. Для поддержания сотрудничества были бы созданы стабильные формальные международные институты с системой санкций за их нарушение. На основе этих институтов со временем и сформировалась бы мировая суперполития.

Такая упрощенная модель эволюции структур мирового порядка основана на исходном предположении о некоей универсальной и абсолютной рациональности международных акторов, способной воплотиться в устойчивые формальные переговорные институты. На нереалистичность подобного допущения указывают, в частности, неинституционалисты.

Реальные социальные акторы, как показал Г. Саймон, ведут себя в соответствии с «ограниченной рациональностью» [Simon 1982]. Это означает, что акторы не способны просчитать все «рациональные варианты развития событий» и вынуждены опираться при принятии решений на некоторые «принципы», фиксируемые в политической культуре и социальных институтах. Отсюда — неуниверсальность «ограниченной рациональности», многообразие ее типов. Именно так Д. Норт [Норт 1997] вводит понятие культуры как системы неформальных институтов, играющих решающую роль в интерпретации и изменении формальных институтов [см. о роли культуры и «ограниченной рациональности» реальных акторов в рефлексивных играх: Schelling 1960].

«Ограниченной рациональностью» акторов можно частично объяснить, почему структуры мирового порядка до сих пор не проявляли устойчивой тенденции к умень-

шению конфликтов. Причиной являются различия между культурами и даже субкультурами в рамках одной культуры. Культуры различаются не только жизненным опытом больших масс людей (например, степенью готовности мирно разрешать конфликты), но и системой ценностей, а во многих случаях — представлениями о базовых структурах реальности [Бирюков, Сергеев 2004].

Аргументом в пользу возможности установления всеобщего мира может служить гипотеза о возникновении глобальной культуры по мере развития средств коммуникации*. Последняя является предпосылкой появления устойчивых формальных институтов. Эта теория, на наш взгляд, намного более реалистична, чем та, что построена на предположении о наличии у людей универсальной рациональности.

Рост структур мирового порядка сопровождается утверждением все более универсальных культурно-цивилизационных систем (именно так в свое время возникли современный Запад и исламский мир). Но ведет ли это к постепенному и неуклонному снижению конфликтности? По-видимому, нет. Ведь ни западной цивилизации, ни исламскому миру, ни какой-либо другой культурно-цивилизационной общности до сих пор не удалось покончить с конфликтами. Уровень конфликтности то снижается, то повышается. Почему же тогда мы должны связывать надежды на устойчивое снижение конфликтности со становлением общемировой культуры?

Можно предположить, что *существуют определенные ограничения для эволюционного роста международных институтов внутри структуры мирового порядка*. Останемся на этих ограничениях подробнее.

1. Подобно тому, как управление, чтобы быть эффективным, нуждается в доле хаоса и самоорганизации, так и *в структурах мирового порядка должны сохраняться элементы неорганизованности и конфликты*. Чтобы конфликты не были столь разрушительными, как раньше, они могут опосредоваться некими мета-институтами, включающими правила их разрешения с минимальным применением насилия. Именно эта идея, собственно, и реализовывалась в различных международных институтах, начиная с правил ведения войн.

2. *Возникновение новых типов акторов или новых неформальных институтов внутри устоявшейся структуры мирового порядка может полностью ее дестабилизировать или даже уничтожить*. Дело в том, что прежние институты разрешения конфликтов предназначались старым акторам, в отношениях же с новыми типами акторов они могут вообще перестать работать. Новые неформальные институты могут вступить в противоречие с формальными институтами и привести к полному их разрушению (пример — возникновение протестантизма в XVI в. или глобального исламского экстремизма в конце XX в.).

3. Рациональность людей не универсальна, и отнюдь не всякие противополож-

* Наиболее последовательно эту теорию отстаивали гегельянцы. Неудивительно, что она легла в основу знаменитой работы Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек» [Фукуяма 2004], в которой он ссылаясь на Г. Гегеля в интерпретации В. Кожева [Кожев 1998, 2003]. Предположение о возникновении глобальной культуры разделяют не только современные неогегельянцы, но и приверженцы некоторых постмодернистских теорий [Лиотар 1998]. — *Прим. авт.*

ности могут быть успешно синтезированы и, следовательно, не всякие конфликты могут быть мирно разрешены. Поэтому *всегда существует возможность распада структур мирового порядка или снижения уровня интеграции внутри них из-за внутренних противоречий, которые не удастся разрешить путем переговоров.* Западный мир XIX в., включая колониальные системы, был по ряду параметров более глобализованным, чем мир современный. Однако достижения глобализации того времени были разрушены Первой мировой войной. История знает множество примеров распавшихся «либеральных гегемоний».

Итак, сложное взаимодействие центростремительных и центробежных сил то создает, то разрушает структуры мирового порядка, а также вызывает постоянную осцилляцию между различными степенями интеграции внутри них. Прямой эволюции типов структур мирового порядка — от более конфликтных к менее конфликтным — не прослеживается. Тенденция к постепенной институционализации взаимодействий политий в мировой истории достаточно неустойчива.

Идеологические конфликты

По мере территориального распространения однородных неформальных институтов конфликтность не только не снижается, но даже возрастает. Еще одним аргументом в пользу этого тезиса могут служить *идеологические конфликты.*

Идеологический конфликт представляет собой столкновение не просто чьих-либо интересов, но и последовательных систем взглядов и ценностей, в рамках которых эти интересы осмысляются и легитимируются. Он имеет рефлексивную природу и разворачивается на двух уровнях — эмпирического насилия и борьбы идей. Таким образом,

идеологический конфликт можно рассматривать как вариант двухуровневой игры [см. анализ логики двухуровневой игры на примере международных отношений: Rutnam 1988: 427–460].

В поле зрения социальных наук идеологические конфликты попали в начале—середине XIX в. Из-за особенностей рефлексии как таковой эти исследования не только отражали рост подобных конфликтов в западном обществе, но и сами его провоцировали. Во второй половине XIX – начале XX вв. идеологические конфликты рассматривались как культурно-цивилизационные [см., например: Данилевский 1991; Шпенглер 1993, 1998; Тойнби 1990]. Позднее их стали изучать в рамках геополитики и современных культурно-цивилизационных теорий международных отношений [см.: Wendt 1992: 391–425, 1994, 1999; Onuf 1989; Kratochwil 1989; Der Derian, Shapiro (eds.) 1989; Campbell 1992; Walker 1993; Weber 1995; Хантингтон 2003].

Идеологические конфликты могут возникать как внутри политий одной структуры мирового порядка, так и между разными структурами мирового порядка. В первом случае столкновения политических систем нередко сопровождаются гражданскими войнами, во втором — каждая структура мирового порядка рассматривает противостоящую ей структуру как «мир варварства», противопоставляя его «цивилизации» (пример — крестовые походы).

Идеологические конфликты возможны и между подструктурами внутри одной структуры мирового порядка. Наиболее яркий пример — «холодная война». «Свободный мир» и «коммунистический лагерь» представляли собой подструктуры одной структуры мирового порядка.

По мере развития человечества количество, масштабы и интенсивность идеологических конфликтов резко возрастают.

Внешние факторы, влияющие на структуры мирового порядка

Представляют ли структуры мирового порядка — не только аналитически, но и реально — относительно обособленный объект исследования? Можно ли выделить их изучение в отдельную субдисциплину внутри такой дисциплины, как «изучение глобальных проблем» (global studies)? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо понять, насколько внутренняя логика развития этих структур обособлена от внешних факторов.

Взаимозависимость процессов, протекающих на национальном и международном уровнях, уже практически никем не оспаривается. Но существует ли зависимость между типом организации структур мирового порядка и типом политических систем, составляющих этот мировой порядок?

Казалось бы, логично предположить, что демократические государства, отдающие предпочтение переговорным практикам во внутренней политике, создают и более высокоинституционализированные, основанные на мирном диалоге структуры мирового порядка. В то же время авторитарные государства, регулярно практикующие насилие в отношении своих граждан, по идее, должны были бы чаще прибегать к нему и во внешней политике. Ведь внутренняя и внешняя политика образуют определенное единство, в котором проявляются одни и те же ценности и цели. Однако, как показывает исторический анализ, *прямая зависимость здесь наблюдается далеко не всегда*. Очень

часто она искажается большим количеством факторов политической культуры, таких как расизм, «двойные стандарты», национализм, национальный эгоизм и т.п.

Демократические государства могут создавать достаточно высокоинституционализированные и слабоконфликтные структуры мирового порядка с низкой долей насилия («концерт держав» или «всеобщий союз»). Примером может служить объединенная Европа–ЕС как автономная структура мирового порядка, состоящая из демократий. Но полиархические государства довольно часто создавали (или пытались создать) и «централизованные гегемонии».

США считаются одним из образцов современной демократии. Тем не менее образование этого государства привело к уничтожению автономной структуры мирового порядка. С начала Войны за независимость (1775–1783 гг.) штаты обладали большой самостоятельностью, в том числе во внешнеполитических делах. После принятия конституции США (1787 г.) независимость штатов приобрела остаточный характер, а после Гражданской войны (1861–1865 гг.) окончательно сошла на нет.

Сторонникам идеи о прямой зависимости между структурой мирового порядка и устройством составляющих его политий принадлежит известное правило: *демократии не воюют с демократиями**. Однако оно справедливо лишь для демократий современного типа и не может служить универсальным правилом для всех полиархий**. До середины XIX в. полиархии или прото-

* На этом правиле основано предположение о «конце истории» [Фукуяма 2004]. — *Прим. авт.*

** Наше утверждение синонимично положению о том, что демократии современного типа, сложившиеся в середине XIX в., являются лишь одной разновидностью полиархических структур [Dahl 1971]. В то же время правило о невозможности войн между демократиями может относиться только к этой одной из разновидностей. — *Прим. авт.*

полиархии (греческие полисы, итальянские города-государства и др.) достаточно часто воевали между собой.

Правило о невозможности войн между современными демократиями отнюдь не означает, что они не могут применять насилие и даже создавать «централизованные гегемонии» по отношению к более «отсталым» народам, имеющим политические системы другого типа. Так, демократическая Франция с конца XIX до середины XX вв. поддерживала централизованную колониальную империю. Правда, для идеологического обоснования существования этой империи ей приходилось применять по «двойному стандарту» прогрессистско-демократическую идеологию.

В свою очередь, авторитарные государства могут создавать структуры мирового порядка с высоким уровнем автономизации. Примеры — арабский халифат и Монгольская империя на поздних этапах своего существования.

Итак, в качестве эмпирической закономерности можно вывести *определенную независимость типов структур мирового порядка от устройства составляющих их политий*. Авторитарно-иерархические политии не обязательно ликвидируют автономию подчиненных им политий, а либеральные демократии иногда это делают.

Авторитарно-иерархические политические системы часто охотно включаются в высокоинституционализированные структуры мирового порядка, в то время как демократии могут стремиться к созданию «централизованных гегемоний».

Более прямой эмпирической закономерностью представляется *взаимосвязь между стабильностью мирового порядка и стабильностью входящих в него политий*. Как уже отмечалось, новые политии-международные акторы или новые институты могут серьезно дестабилизировать структуру мирового порядка, особенно если ей не хватит времени на адаптацию. Именно к такой дестабилизации автономной системы мирового порядка в Западной Европе привели появление протестантизма и протестантских государств в XVI в., распространение революционно-демократических идей Французской революции в начале XIX в., возникновение тоталитарных идеологий и государств в первой половине XX в.

В заключение следует отметить, что прогресс в развитии экономических, политических и культурных связей внутри определенной структуры мирового порядка не обязательно ведет к его эволюции в направлении большей институционализации и минимизации насилия.

примечания

Аристотель. 1984. Политика // Аристотель. Собр. соч. В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль.

Бирюков Н.И., Сергеев В.М. 2004. Становление институтов представительной власти в современной России. М.

Бродель Ф. 1986. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.

Бродель Ф. 1986–1992. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1–3. М.

Бродель Ф. 1992. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. М.: Прогресс.

Бродель Ф. 1994–1997. Что такое Франция? Кн. 1–3. М.

примечания

- Валлерстайн И. 2001. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.
- Гоббс Т. 2001. Левиафан. М.: Мысль.
- Данилевский Н.Я. 1991. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.
- Кожев А.В. 1998. Идея смерти в философии Гегеля / Пер. с фр. и послесл. И. Фомина. М.: Логос, Прогресс-Традиция.
- Кожев А.В. 2003. Введение в чтение Гегеля: Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе. СПб.: Наука.
- Лиотар Ж.Ф. 1998. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Лоренц К. 1994. Агрессия. М.: Прогресс-Универс.
- Маккиндер Х.Дж. 1995. Географическая ось истории // «Полис», № 4.
- Норт Д. 1997. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала.
- Савицкий П. 1922. Степь и оседлость // На путях: Утверждение евразийцев. М.; Берлин.
- Тойнби А. 1990. Постигание истории. М.: Прогресс.
- Трубецкой Н. 1925. О туранском элементе в русской культуре // «Евразийский временник», кн. 4.
- Фукуяма Ф. 2004. Конец истории и последний человек. М.: АСТ.
- Хабермас Ю. 2000. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука.
- Хабермас Ю. 2001. Вовлечение другого: Очерки политической теории. М.: Наука.
- Хабермас Ю. 2005. Политические работы. М.
- Хантингтон С. 2003. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ.
- Хаусхофер К. 2001. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль.
- Шпенглер О. 1993. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль.
- Шпенглер О. 1998. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль.
- Axelrod R. 1984. The Evolution of Cooperation. N.Y.
- Campbell D. 1992. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Dahl R. 1971. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven; L.: Yale University Press.
- Der Derian J., Shapiro M.J. (eds.) 1989. International/Inter-
- textual Relations: Postmodern Reading of World Politics. N.Y.: Lexington Books.
- Gilpin R. 1981. War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press.
- Habermas J. 1971. Strukturwandel der Öffentlichkeit, 5 Aufl. Neuwied am Rhein. B.
- Keohane R.O., Nye J.S. 1977. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown and Company.
- Kindleberger Ch. 1986. The World in Depression 1929–1939. University of California Press.
- Kratochwil F.V. 1989. Rules, Norms and Decisions. Cambridge: Cambridge University Press.
- La Blache V. de 1921. Principes de geographie humaine. P.
- Mackinder H. 1919. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. N.Y.
- Mackinder H. 1943. The Round World and the Winning of the Peace // «Foreign Affairs», vol. 21, № 4 (July).
- Mahan A. 1890. The Influence of Sea Power upon History 1660–1783. L.
- Mahan A. 1892. The Influence of Sea Power upon the French Revolution and Empire. Boston.

Morgenthau H.J. 1948. Politics Among Nations. N.Y.

Nye Jr., Joseph S. 2002. Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History. 4th ed. Longman.

Onuf N.G. 1989. World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Columbia: University of South Carolina.

Ratzel F. 1897. Politische Geographie. Munich: R. Oldenbourg.

Rosenau J.N. 1990. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton: Princeton University Press.

Rutnam R. 1988. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // «International Organization», № 42.

Schelling T.C. 1960. The Strategy of Conflict. Cambridge, MA.

Schmitt C. 1942. Land und Meer. Leipzig.

Schmitt C. 1950. Der Nomos der Erde. Koeln.

Simon H.A. 1982. Models of Bounded Rationality.

Vol. 1–2. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Spykman N. 1942. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. N.Y.: Harcourt, Brace and Company.

Spykman N. 1944. The Geography of the Peace. N.Y.: Harcourt, Brace and Company.

Walker R. 1993. Inside/Outside: International Relations as Political Theory. Cambridge: Cambridge University Press.

Wallerstain I. 1974. The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. N.Y.; L.

Wallerstain I. 1979. The Capitalist World-Economy. Cambridge.

Wallerstain I. 1980. The Modern World-System II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. N.Y.

Wallerstain I. 1983. Historical Capitalism. L.

Wallerstain I. 1984. The Politics of the World-Economy. The States, the Movements and the Civilizations. Cambridge.

Wallerstain I. 1989. The Modern World-System III: The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840's. San Diego.

Waltz K. 1979. Theory of International Politics. N.Y.: McGraw-Hill.

Weber C. 1995. Simulating Sovereignty – Intervention, the State, and Symbolic Exchange. Cambridge: Cambridge University Press.

Wendt A. 1992. Anarchy is What States Make of It // «International Organization», № 46.

Wendt A. 1994. Collective Identity Formation and the International State // «American Political Science Review», № 88.

Wendt A. 1999. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press.